

Спустя полчаса им, наконец, накрыли на стол.

Опоздавший Хань Чаншэн с важным видом прошествовал к хозяйскому креслу. Взглянув на уставившие стол горячие блюда, он почувствовал себя очень довольным:

- Давайте поедим!

Вот только ни один из Владык Зала, как и правый с левым стражи не подняли свои палочки.

Перед Хуа Сяошуаном стояла терелка жареного риса с зеленым перцем. Перед Гу Минсяо - горшочек с горькой тыквой, перед Ло Синем - тарелка с рисом густо посыпанным луком, а вот перед Ду Юэфэем очутилась тарелка с чем-то черным и липким. Он понятия не имел, что это такое. Но ни у кого не осталось и намека на аппетит, ведь перед каждым стояла еда, которую он ненавидел больше всего. Тогда как Ду Юэфэй не был привередлив в еде, чем и заслужил такое особенное обращение.

Лу Цинцян отодвинул от себя тарелку, и его маленькое личико надулось, став похожим на булочку:

- Кто сегодня готовил еду? Я же не ем кориандр. Кроме того, кто вообще готовит жареный рис с кориандром?!

Лу Байби рассмеялся и тоже заговорил:

- Я впервые вижу, чтобы жарили рис с чесноком.

Хуа Сяошуан усмехнулся, а затем прищурился и вперил кинжально острый взгляд в Хань Чаншэна. И что за новую уловку пытается провернуть их негодник-глава?

Внезапно Лу Цинцян ринулся вперед и неуловимым движением схватил стоящую перед Хань Чаншэном тарелку и пододвинул свою собственную к нему:

- Вы едите кориандр, так что я меняюсь с вами едой!

Хань Чаншэн оторопел. Лу Цинцян не просто свиснул его тарелку, но и сразу принялся есть из нее.

В итоге Лу Байби тоже поменялся тарелкой с Хуа Сяошуаном, а после их примеру последовали и все остальные. В конце концов, никто не был настолько привередлив, чтобы морить себя голодом. Вот так у каждого оказалась тарелка вполне сносной еды, и только Ду Юэфэй остался с жалобным видом смотреть на всех остальных - никто не захотел с ним меняться. Да он и сам не знал из чего сделано то, что лежало у него на тарелке.

Ожидая Хань Чаншэна, они сильно проголодались. Вот почему, обменявшись тарелками, сразу принялись за еду с таким видом, будто голодали целую вечность, и никто из них не высказался по поводу странной еды. Лу Цинцян и Лу Байби даже не поняли, что с едой что-то не так. Их разум был прост: если им не нравилась какая-то еда, они, не заморачиваясь, брали и ели другую. Что же касается Владык Зала, неважно, невежественны они или умны, каждый из них осознал, что за сегодняшней странной едой крылась большая проблема. А по части виновника... ни у кого из них не возникло ни малейших сомнений в том, что им был Хань Чаншэн, который только сегодня вернулся на гору Сюйшань. Однако, даже если про себя они записали на его счет этот должок, с виду они притворялись, будто ничего особенного не приключилось. Ду Юэфэй хотел было что-то сказать, но Хуа Сяошун под столом пнул его еще до того, как он успел открыть рот. Так что ему оставалось только с тревогой всматриваться в наполняющую его тарелку темную жижу.

Увидев, что никто не собирается переворачивать стол, как он ожидал, Хань Чаншэн немного расстроился. Опустив голову, он уткнулся в свою тарелку с едой.

На этот раз, вернувшись на Сюйшань, он поставил перед собой важнейшую цель - отыскать способ распустить секту Тяньнин. Хоть Хань Чаншэн и пытался проложить для них путь, находясь за пределами горы Сюйшань, он успел наделать немало ошибок. Однажды, приведя своих людей на гору Сюйшань, Ань Юань ткнет пальцем, указав на нос Гу Минсяо, и обругает его, назвав бессердечным и бессовестным человеком. Человеком с волчьим сердцем, который соблазнил и бросил великого лаоцзы. Но этот Гу Минсяо, если, конечно, Ань Юань всерьез не попытается его кастрировать, разве признается он в том, чего не совершал? Можно не сомневаться, что он выбросит Ань Юаня прочь, решив, что тот больной на голову! Вот почему ему следовало найти способ отправить в безопасное место всех людей из своего ближайшего окружения.

Что же касается того, что он натворил от их имени, пока гулял на свободе, ему оставалось только надеяться на то, что Ань Юань, глядя им в лица, сможет принять в расчет дружеские чувства, которые они питали друг к другу. К тому же, если однажды они все-таки столкнутся друг с другом, Ань Юань не сможет сказать наверняка, тот ли перед ним человек, поэтому может проявить милосердие.

- Глава, - заговорил Ло Синь, - от Сяо Бая и Сяо Цина я слышал, что вы добились огромного прогресса в своих навыках владения боевыми искусствами за время, проведенное за пределами нашей горы.

Хань Чаншэн приподнял бровь и крайне провокационным тоном сказал:

- Тогда давай устроим поединок после еды.

Это изумило Ло Синя. Он был маньяком боевых искусств, но, поскольку ему приходилось отвечать за Зал Дракона и Тигра, он специализировался еще и на разработке боевых искусств секты Тяньнин. Все прежние главы секты Тяньнин владели восемнадцатью видами боевых искусств. Единственным чудом-юдом среди них оказался Хань Чаншэн, который только навыки владения мечом изучал как положено. А вот Ло Синь, напротив, являлся мастером, владеющим

всеми видами оружия. Он считался одним из сильнейших мастеров боевых искусств секты Тяньнин.

Прежде именно он отвечал за обучение Хань Чаншэна навыкам боевых искусств и его тренировки. Он был весьма прямолинейным и суровым человеком, совершенно не заботящимся о сохранении репутации главы секты. Напротив, поскольку Хань Чаншэн желал лишь целыми днями лениться, он закаливал его как железо и сталь. Всякий раз, как Ло Синь и Хань Чаншэн спарринговались друг с другом, он безжалостно побеждал Хань Чаншэна, отчего последнему и не нравилось с ним сражаться. Вот почему его так удивило, когда Хань Чаншэн по собственной воле вызвался устроить с ним поединок.

- Идет, - с радостью согласился Ло Синь.

- Тогда ешь побольше, - Хань Чаншэн выудил здоровый кусок лука из тарелки Лу Байби и бросил его на тарелку Ло Синя, а затем заботливо произнес: - Я не видел тебя целый год, и ты за это время так исхудал. Нам срочно нужно это исправить.

Ло Синь глянул на лук, от которого чуть раньше избавился, чувствуя такое несказанное облегчение, и у него позеленело лицо.

А Хань Чаншэн уже тянулся своими палочками к тарелке Хуа Сяошуана, собираясь наложить на тарелки сидящим за столом жертвам еще больше противных им овощей. Хуа Сяошуан просто закатил глаза и отодвинул от него подальше свою тарелку.

После ужина Хань Чаншэн вышел из зала на улицу и взглянул на ночное небо.

Погода стояла прекрасная, отчего в вышине ярко сияли луна и звезды. Но яркость двух звезд затмевала даже свет луны и северной звезды. Они почти ослепляли - звезда Ань Юаня и звезда скорби, расположенная возле нее. К тому же звезда скорби сияла ярче, чем звезда Ань Юаня. После того как Хань Чаншэн на ночь поддался своей любви, а затем той же ночью тайком улизнул, он обнаружил, что эти две звезды становятся все ярче и ярче. Звезда бедствия сияла до крайности ослепительно, указывая на то, что скорбь Ань Юаня подошла к своему решающему моменту. Иначе говоря, он находился на грани успеха или провала. Это сильно порадовало Хань Чаншэна. Похоже, все усилия, что он приложил за минувший год, не пропали даром.

Ло Синь вышел следом за ним:

- На что вы смотрите? - он задрал голову и, посмотрев в небо, пробормотал: - Что это за две звезды, и почему они сияют так ярко?

Хань Чаншэн покачал головой:

- Давай отдохнем и переварим еду, а полчаса спустя я приду к тебе, тогда и померяемся силой.

- Хорошо, - ответил Ло Синь.

Но Хань Чаншэн так и не вернулся в свою комнату отдохнуть. Он взял фонарь и неторопливо обошел вершину горы. Все эти места пробуждали в нем массу воспоминаний. Скала на вершине горы, что возвышалась сейчас перед ним, называлась "скалой Сиго". Говаривали, что именно там в юности наказывали всех прежних глав секты Тяньнин. На скале Сиго лежал огромный валун, на задней стороне которого были криво выцарапаны иероглифы "□□□" (Лу Яцзян). Говорили, что их оставил один из предыдущих глав секты, некогда бывший императором. Однако Хань Чаншэна в детстве нечасто наказывали посиделками на этой скале. И вовсе не потому, что был послушным ребенком, а потому, что у него были Лу Цинцян и Лу Байби, пара добрых братьев. Всякий раз чем-нибудь провинившись, он умудрялся отыскать способ сделать так, чтобы эти братья взяли на себя всю вину и получили наказание за него. Чувствуя себя виноватым, он частенько приходил на скалу Сиго, чтобы навестить их и угостить вкусной едой. Эти два дурачка чувствовали себя растроганными до слез и соплей, считая, будто глава относится к ним с особенной добротой. Это было то же самое, что, если бы их продали, а они бы еще и деньги пересчитать помогли.

Еще дальше раскинулся лес. Когда отца Хуа Сяошуана, прежнего Владыку Зала Хуа, убили люди из праведных сект, Хуа Сяошуан исчез. Вся секта очень долго искала его. Наконец, Хань Чаншэн обнаружил его в этом лесу. Хуа Сяошуан много дней просидел под деревом, обхватив руками колени и не желая никуда уходить. И Хань Чаншэн просидел с ним много дней. Одной ночью Хуа Сяошуан заболел - его тело сотрясал озноб, и Хань Чаншэн обнял его. Затем Хуа Сяошуан сказал, что хочет покинуть секту Тяньнин и больше не желает иметь ничего общего с делами мира боевых искусств. Хань Чаншэн всю ночь обнимал его, плача и умоляя не уходить. На следующий день Хуа Сяошуан вышел из леса и больше никогда не упоминал об уходе.

Когда-то Хань Чаншэну очень хотелось сбежать с горы Сюйшань. Он прожил на ней более десятка лет и уже успел узнать каждое дерево и травинку. Он хотел спуститься с горы, чтобы увидеть иные пейзажи. Но сейчас ему внезапно расхотелось куда-либо уходить. Он был бы не прочь остаться здесь еще на десяток-другой лет.

Хань Чаншэн добрался до тренировочной площадки спустя полчаса.

Ло Синь уже ожидал его там. Увидев подходящего Хань Чаншэна, он указал на стойку с оружием и мягко спросил:

- Какое оружие выберете? Или по-прежнему предпочитаете меч?

Хань Чаншэн задрал подбородок и с нетерпеливым видом спросил:

- Зачем вообще столько видов оружия? Если хочешь знать, то боевые искусства, которым обучают в нашей секте Тяньнин, никуда не годятся. Нет смысла так много учить. Им не сравниться даже с маленькими сектами из Цзянху, поскольку те специализируются лишь на

одном типе оружия.

Улыбка Ло Синя вдруг застыла у него на лице. Он был помешан на боевых искусствах и, как правило, не имел каких-либо табу. Единственное его слабое место заключалось в том, что он никому не позволял клеветать на боевые искусства секты Тяньнин. Боевые искусства секты Тяньнин были созданы на основе секретных манускриптов, которые их предки когда-то выкрали из различных сект. Многие гении из прошлых поколений секты улучшили эти приемы, благодаря чему их боевые искусства смогли доминировать в этом мире. И впрямь, упорное обучение сразу восемнадцати видам боевых искусств было спорным, и далеко не каждый мог ими овладеть. Лишь истинные эксперты и гении были способны на это, и они совершенно не подходили для обычных людей. Вот почему обычные ученики обучались владению только одним видом оружия. Хань Чаншэну же, поскольку он должен был стать главой секты, с раннего детства преподавали все виды боевых искусств. Ло Синь уже знал, что его обучали владению мечом за пределами секты, но совершенно не ожидал, что он разом отмахнется от всех боевых искусств, которым обучали в секте Тяньнин.

- Глава секты, - Ло Синь собирался сделать ему выговор, но все же сдержался. Вместо этого он бросил ему Меч Поющего Дракона, который тот ранее отправил сюда вместе с Хуа Сяошуаном, затем выбрал меч себе и сказал: - В таком случае позвольте мне оценить ваши навыки.

- В таком случае я покажу тебе, насколько бесполезно все то, чему ты научился, - фыркнул Хань Чаншэн.

Ло Синю просто захотелось прижать этого несчастного ребенка к скале и надрать ему задницу. Но он лишь сделал глубокий вдох и атаковал Хань Чаншэна мечом!

Дзынь!

Когда два меча столкнулись, Хань Чаншэну пришлось на полшага отступить. Его всегда поражала прихологическая тень, когда он начинал сражаться с Ло Синем, вот почему он оробел при первом ударе. Но он стиснул зубы и вскоре приспособился. Сегодня он должен был победить!

Талант Ло Синя к боевым искусствам не поддавался описанию, его невероятно сложно было превзойти в бою, иначе прежний глава секты не оставил бы на него Зал Дракона и Тигра. Однако за этот год навыки владения боевыми искусствами у Хань Чаншэна улучшались не по дням, а по часам. Не говоря уже об отменных навыках, которые ему преподавал старейшина Лань Фан, он и сам усердно практиковался с мечом, на сегодняшний день добившись большого успеха. Но Ло Синь старательно тренировался на протяжении двадцати лет, и подобный разрыв невозможно было так просто взять и в кратчайшие сроки преодолеть. Вот почему Хань Чаншэну оставалось только полагаться на внутреннюю силу, полученную от старика Сюаньцзи, чтобы отбиться и сражаться с Ло Синем на равных.

Вшух!

Ло Синь разрезал своим мечом одежду Хань Чаншэна. Сегодня он здорово рассердился. Мало того, что этот мелкий негодник, Хань Чаншэн, позволил себе отпускать замечания, пытаясь загубить репутацию боевых искусств секты Тяньнин, так он еще и изо всех сил старался, накладывая лук ему на тарелку, чтобы он не смог толком поесть!

Хань Чаншэн ударился в панику. Ему до сих пор не удалось справиться с психологической тенью, которую оставил в его сердце Ло Синь, что не позволяло ему сражаться в полную силу.

- Ай - Хань Чаншэн вскрикнул от боли и отступил, схватившись за нижнюю часть живота.

Ло Синь опешил. Его меч лишь рассек одежду на животе Хань Чаншэна, но не должен был задеть его самого. Неужто он нечаянно ранил этого несчастного мальчишку? Он мигом опустил свой меч и ринулся к нему, собираясь его осмотреть. Внезапно блеснул клинок, и к его шее приставили меч.

Хань Чаншэн, торжествуя, сказал:

- Я победил.

Ло Синь с удивлением посмотрел на него.

- Признай это! - нос Хань Чаншэна задрался к самому небу. - Боевые искусства секты Тяньнин давным-давно пора изменить, сейчас они уже ни на что не годятся.

Ло Синь испустил тяжкий вздох. Ему было очень тяжело от того, что втоптывали в грязь самое дорогое, что у него было, а в особенности от того, что делал это именно Хань Чаншэн.

Увидев, что Ло Синь сохраняет молчание, Хань Чаншэн опустил свой меч и зевнул:

- Я к себе, спать пора.

- Глава секты, - его остановил раздавшийся за спиной голос Ло Синя.

Хань Чаншэн малость занервничал. Он боялся, что Ло Синь в ярости набросится на него и жестоко побьет, поэтому приготовился бежать, как только запахнет жареным. Вопреки его ожиданиям, Ло Синь не подошел к нему, он лишь тихим голосом произнес:

- Мастер, что случилось с вами за пределами этой горы?

Хань Чаншэн ошеломленно застыл. В следующее мгновение он непреклонным тоном сказал:

- Что могло случиться со мной? Этот глава секты очень силен, и нет ничего, что бы он не смог уладить самостоятельно! - с этими словами он широкими шагами затопал прочь.

<http://bllate.org/book/14818/1320239>